

УДК 398.22(=512.164)

398.22(=512.157)

DOI 10.25587/SVFU.2018.12.22331

А. К. Исаева

Институт языка и литературы им. Ч. Айтматова

МОТИВНЫЙ ФОНД КЫРГЫЗСКОГО И ЯКУТСКОГО ЭПОСОВ О ДЕВАХ-ВОИТЕЛЬНИЦАХ

Аннотация. Статья ставит своей целью выявление общности и различий в мотивном фонде кыргызского и якутского эпосов, повествующих о девах-воительницах (эпос «Манас» и олонхо «Кыыс Дэбилийэ») на основе сравнительно-сопоставительного и структурального анализа, с установлением генетических связей между явлениями.

В исследовании затронута проблема стадийного развития эпоса, позволившая выявить архетипические образы дев-богатырок, с учетом трансформационных сдвигов, коснувшихся эпоса «Манас». Определена роль традиционного сказывания и передачи эпоса, определившие сохранность архаических мотивов.

Исследование выявило множественность образа богатырки Сайкал, что обусловлено широкой распространённостью и популярностью этого персонажа среди народа. Включение самостоятельного сказания о Сайкал в эпос «Манас» стало закономерным явлением по вовлечению так называемых малых эпосов в орбиту общенационального эпоса.

В работе сделаны выводы об утрате в эпосе «Манас» тенгрианского понимания о трёхчастном миропорядке, которая привела к тому, что некоторые его образы вне осознания деления мира на Верхний, Средний и Нижний уровни, утрачивают своё адекватное восприятие. И, наоборот, эпос «Кыыс Дэбилийэ» сохраняет в своём сюжетном развитии традиционные представления о всеобщем миропорядке, что облегчает восприятие его героев. Исследование побуждает обратить внимание на ошибочность определения героев эпосов по признаку положительности-отрицательности, что свойственно письменной культуре и её трактовкам героев и противоположно для устной словесности и эпического мышления.

Исследование обратилось к анализу феномена безбрачия амазонок, сохраняющего их магическую силу на примере героинь Кыыс Дэбилийэ и Сайкал. Сделан вывод о том, что данное положение также подвержено определённым трансформационным сдвигам, но, в целом, продолжает сохранять свою значимость.

Представленная работа имеет перспективы дальнейшего исследования с привлечением более широкого охвата мотивного фонда для сравнительно-сопоставительного анализа эпосов якутского и кыргызского народов для выявления их общности.

Ключевые слова: эпос, олонхо, Манас, архаический эпос, стадийное развитие, структурализм, мотив, дева-воительница, типологическая и генетическая общность, традиционность, импровизация, инвариант.

А. К. Isaeva

Motif fund of warrior maidens in the Kyrgyz and Yakut epics

Abstract. The article aims to identify commonalities and differences in the motif fund of the Kyrgyz and Yakut epics, telling of warrior maidens (epic “Manas” and olonkho “Kyys Debiliye”) on the basis of comparative and comparative and structural analysis, with the establishment of genetic relationships between phenomena.

ИСАЕВА Асель Кенешбековна – к. филол. н., с. н. с., зав. Рукописным фондом Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: asel.isaeva@gmail.com

ISAeva Asel Keneshbekovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Head of Department of Manuscript Fund, Ch. Aitmatov Institute of Language and Literature, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic.

E-mail: asel.isaeva@gmail.com

The study touched upon the problem of the stage development of the epic, which made it possible to reveal the archetypal images of warriors maidens, taking into account the transformational shifts that had touched the epic “Manas”. The role of the traditional tale and transmission of the epic, which determined the preservation of archaic motifs, is determined.

The study revealed the multiplicity of the image of the bogatyr Saykal, which is due to the wide prevalence and popularity of this character among the people. The inclusion of an independent tale of Saykal in the Manas epic became a natural phenomenon in the involvement of the so-called small epos in the orbit of the national epic.

The work made conclusions about the loss in the Manas epic of the Tengrian understanding of the three-part world order, which led to the fact that some of his images, beyond the awareness of dividing the world into Upper, Middle and Under levels, lose their adequate perception. And, on the contrary, the epic “Kyys Debiliye” preserves in its plot development the traditional ideas about the universal world order, which facilitates the perception of its heroes. The study prompts to pay attention to the fallacy of determining the heroines of the epics on the basis of positive-negativity, which is characteristic of the written culture and its interpretations of the characters and unnatural for oral literature and epic thinking.

The study turned to the analysis of the phenomenon of Amazon celibacy, leading to the loss of their magical power on the example of the heroines Kyys Debiliye and Saykal. It is concluded that this provision is also subject to certain transformational shifts, but, in general, continues to retain its significance.

The presented work has prospects for further research, with the involvement of a broader coverage of the motive fund for a comparative analysis of the epics of the Yakut and Kyrgyz people to identify their community.

Keywords: epic, olonkho, Manas, archaic epic, stage development, structuralism, motive, warrior maiden, typological and genetic community, traditionalism, improvisation, invariant.

Введение

Сравнительно-типологическое изучение эпосов тюркоязычных народов имеет длительную историю. Закономерен интерес, проявляемый исследователями к данному направлению. Обусловлен он, прежде всего, общей генетической историей зарождения эпического творчества, общностью образов, тематики. Эти предпосылки стали основой создания во многом схожего мотивного фонда эпического наследия. В связи с этим выявление общности мотивного фонда эпосов народов, повествующих о богатырках, девах-воительницах, которые получили широкое распространение у большинства тюркских народов, в т. ч. у якутского и кыргызского, получает особую значимость.

Последующее длительное изолированное бытование эпосов у кыргызского и якутского народов не могло не оказать воздействия на традиционное воспроизведение эпики, что внесло различия в сюжетное строение, что, в свою очередь, связано со стадийным развитием эпоса, которое происходило самостоятельно, изолированно друг от друга. Значимым трансформационным процессам была подвергнута кыргызская эпическая традиция, которая оказалась под сильным воздействием центрально-азиатских влияний и культур. Претерпев при этом значительные трансформационные изменения, эпическая культура кыргызов утратила мотивы, связанные с первотворением мира и тенгрианскими воззрениями. И наоборот, якутская эпическая культура сумела максимально сохранить традиционную составляющую и архаический мотивный фонд. Тем важнее провести сравнительно-сопоставительный анализ мотивного фонда якутского и кыргызского эпосов (в данной работе, связанных с образом девы-воительницы), чтобы выявить не только отличительные особенности, но и сохранившиеся общие мотивы.

Важность исследуемой тематики объясняет большое количество исследователей, обращающихся к ней: И. В. Пухов [1, 2], В. Н. Иванов [3], Р. З. Кыдырбаева [4, с. 66-85], Л. М. Готовцева и Т. Н. Николаева [5, с. 56-60], Д. У. Сапалова [6, 7, 8]. Одним из общих выводов исследований становится утверждение о том, что кыргызы и якуты проживали в одном ареале, что у них была общая культура и образ жизни. Эпосоведы ставят вопрос о «расширении границ исследований с охватом этнической истории ... родственных народов Средней Азии и Поволжья» [3, с. 66].

Основополагающим исследованием о воительницах является работа А. Н. Даниловой «Образ женщины-богатырки в якутском олонхо» [9], в котором она, анализируя изменения функций девы-воительницы, выявляет эволюцию этого образа, определяет структуру и семантику сюжетов якутского эпоса.

Целью исследования является выявление мотивного фонда эпосов двух народов о деяниях дев-воительниц с установлением генетических связей между явлениями на основе культурных взаимодействий, влияний или заимствований, обусловленных исторической близостью двух народов. В качестве методов исследования выбраны сравнительно-сопоставительный и структуральный методы анализа. В качестве объекта исследования выбраны тексты олонхо «Кыыс Дэбилийэ» [10] и эпоса «Манас». В качестве единицы исследования был выбран мотив, который по определению С. Ю. Неклюдова: «именно та единица, которой оперирует устная традиция», «элемент художественного мышления в фольклоре» [11, с. 224]. Выбор единицы обусловлен тем, что выделение мотива, а затем его сравнение позволяет находить общие закономерности в структуре эпоса, а также выявлять характерные особенности каждого эпоса в отдельности. Предложенная Б. Н. Путиловым классификация мотивов на следующие типы: мотив-ситуация, мотив-речь, мотив-действие, мотив-описание, мотив-характеристика, как нам кажется, предоставляет возможность продемонстрировать композиционную разносторонность сюжетных связей, с одной стороны, а с другой, продемонстрировать общность сюжетообразующих мотивов, представленных в кыргызском и якутском эпосах [12].

С другой стороны, такая методология позволяет формализовать объем эпического текста, с тем чтобы «вместить» в определенные рамки поэтическую составляющую эпоса. Подобный структуральный подход позволяет в рамках одного небольшого по объему исследования провести сопоставительный анализ текста разных эпосов.

Выбор объекта исследования (олонхо «Кыыс Дэбилийэ» и эпос «Манас») был обусловлен рядом причин. В кыргызском сказительском искусстве девам-воительницам посвящены одноименные эпосы, такие как «Джаныл Мырза», «Кыз Сайкал». При этом эпос «Манас», в силу своей объемности и масштабности, включил в свою сюжетную структуру повествования о целом ряде дев-воительниц и женщин-воительниц. В нём присутствуют такие героини, как Сайкал, сестра Манаса – Кардыгач, Бермет (героиня третьей части трилогии «Сейтек»), великанша Оронгу – одна из главных соперниц Манаса, Карабёрк – первая жена Манаса, дева-богатырша Куялы (героиня второй части трилогии «Семетей»). В варианте сказителя Саякбая Каралаева Каныкей – жена Манаса, также выступает в роли девы-воительницы до своего замужества. В своём исследовании мы остановились только на одном образе девы-воительницы – Сайкал. Данный выбор обусловлен множественностью данного образа в кыргызской эпической поэзии. Она присутствует в наиболее известных вариантах эпоса «Манас» – Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, в варианте, записанном В. В. Радловым, в варианте Багыша Сазанова, а также в самостоятельном сказании «Кыз Сайкал» в исполнении Орузбая Урмамбетова. Ни один другой образ девы-воительницы не представлен так широко в эпическом творчестве кыргызов, как персонаж Сайкал.

Выбор олонхо «Кыыс Дэбилийэ» был предопределен доступностью к его опубликованному тексту, тогда как другие олонхо хранятся в виде рукописей, что усложняет доступ к их изучению, но даёт надежду на дальнейшие исследования в этом направлении.

Сказания о девах-воительницах являются отражением древнего этапа в развитии человеческой цивилизации, когда женщины являли собой могущество, свободу и самостоятельность, времени, когда женщины эпохи матриархата сами искали себе мужа. Значимость образа девы-воительницы в эпической традиции доказывается длительностью и постоянством воспроизведения сказаний о девах-воительницах, что позволило им дойти и сохраниться в памяти сказителей до наших дней.

В исследовании ставится задача проследить эволюцию образа девы-воительницы как родоначальницы небесного происхождения до воительницы с земной характеристикой. Такой анализ возможен благодаря тому, что якутское олонхо сохранило в себе архаические истоки преданий о девах-воительницах, тогда как «Манас» в процессе своего развития демонстрирует образы более поздних эпох.

Мотивный фонд якутского олонхо «Кыыс Дэбилийэ»

Олонхо «Кыыс Дэбилийэ» представляет собой величайший памятник народного эпического творчества, устной поэзии, сохранивший в себе представления народа о первопредках, об эпохе матриархата. Эпос донес до наших дней архаическое представление о зарождении мира,

в котором мифологические истоки занимают основополагающее место. Описание сотворения мира, а также представления о нём, о том, как оно устроено, представлено мотивами-описанием в самом начале олонхо.

Мотив-описание. *Первотворение мира:* «За дальней далью / беспокойно-тревожных / древних лет, / по ту сторону / ратно-бранных / минувших дней / ... таинственно-недоступное / лучезарно-белое небо, / подобно замшевому тангалаю, / сверху ниспадая, / расширяясь-растягиваясь, / сотворилось, оказывается...» [10, с. 73].

Мотив-описание представляет нам также *главную героиню* Кыыс Дэбилийэ: «... статью сильная, / станом могучая, / с виду быстроногая, / из женщин самая лучшая, / [с глазами], подобными серебряным монетам, / что рядом положены, / белизной белков сверкая, / умный быстрый взгляд бросая, / шелковисто-нежные волосы расчесывая, / в длинную волнистую косу заплетая, / сидит, оказывается» [10, с. 176-177].

К мотивам-описаниям непосредственно примыкают мотивы-характеристики, представляющие главных действующих лиц олонхо как положительных, представленных образами Верхнего мира – Кыыс Дэбилийэ и людьми Среднего – Чугдаан Бухатыыр и Хаанчылаан Куо, так и отрицательных – *абаасы* Нижнего мира Сарахана Кююкэнньик.

Мотив-характеристика. *Сарахана Кююкэнньик:* «Голову к коленям своим наклонив, / внимательно вслушиваясь, / в полторы маха длиною / сине-слизистый свой язык / до груди свесив, / единственным оком вверх уставившись, / зорко глядяваясь, / такие слова молвила...» [10, с. 101].

«... на единственную ногу проворно встав, / единственной загребастой рукою, / из середины груди выросшей...» [10, с. 109].

Чугдаан Бухатыыр: «... на девять веков-поколений / пышным ысыахом прославившийся / Чугдаан Бухатыыр / с неимоверной силою, / с несметным богатством, / из племени ураангхай самый лучший, / из людей самый отменный / живет-проживает» [10, с. 109].

Хаанчылаан Куо: «... ласточку их черного дома, / сияние их светлого дома, / мотылька их белого дома, / у которой тело сквозь одежду светлеет, / сквозь тело кости белеют, / сквозь кости мозг просвечивает, / которую в пасмурный день / наружу не показывали, / чтобы нечистый её не похитил, / в ясную погоду / во двор не выводили, / чтоб серебряный лик её не потускнел, / ... любимейшую дочь, / из котомки выбитый прах – последыша...» [10, с. 146-147].

Кыыс Дэбилийэ: «... на верхнем крае / чистого, без пылинки, / снежно-белого неба родившаяся, / Кыыс Дэбилийэ прозванная / женщина с дюжей силой, / сокрушительной мощью, / на чистом гладко-белом небе / равного себе не найдя, / всех, кто встретится, побеждавшая, / всех, кто под руку подвернется, одолеваящая...» [10, с. 151].

Рис. 1. Кыыс Дэбилийэ (худ. С. Луканси, 2016 г.).

Дыгыйдаан Бёгё – абаасы Нижнего мира, главный враг Кыыс Дэбилийэ, даёт ей характеристику: «Алаатыгар! Что за диво! / Какой же страны священной пищей вскормлена / эта на ноги себе мочающаяся, / самая могучая дева, с которой / славу оспаривать мне довелось? / ... До исхода тридцати дней месяца / нам биться пришлось, / но силы её не иссякли, / жилы её не ослабли, / мощь её не убавилась...» [10, с. 233].

Как видим, мотивы-характеристики включили в себя весь пантеон персонажей олонхо, показав вертикаль трёхмирия. Они позволяют продемонстрировать представления народа о строении их мира, о том, кто его населяет. Данная структура оказывается четко очерченной и напоминает о себе на протяжении всего повествования. Персонаж, отнесенный к тому или иному уровню мира, соответствует его требованиям. Кыыс Дэбилийэ с божественным, небесным происхождением оказывает помощь людям из Среднего мира, не просто сострадав им, а понимая всю меру ответственности Верхнего мира за становление мира людей. Это приводит её к необходимости к сражению с силами Нижнего мира, которые стали представлять собой реальную угрозу существованию Среднего мира, а значит, и нарушению общей гармонии сложившегося миропорядка. В полном соответствии с образами Нижнего мира обрисована Сарахана Кююкэнник, с отталкивающей для людей внешностью, обманом и хитростью пробравшаяся в Средний мир с тем, чтобы известить их людской род, посеять там разорение и хаос.

Чугдаан Бухатыыр ценится не столько за то, что он самый сильный, его главное качество заключается в заботе о народе, поэтому сквозной формульной фразой, его характеризующей, становится указание на то, что он устраивает *ысыах*, праздник, объединяющий народ воедино, дающий ему веру и силу. Именно Чугдаан Бухатыыру удаётся убедить Кыыс Дэбилийэ выйти на сражение с *абаасы*, спустившись вниз из своего мира, а затем и завоевать её симпатию.

Символом красоты мира людей выступает Хаанчылаан Куо, которая обрисована в лучших традициях якутского олонхо, дающего высшую оценку красоте, описав девушку настолько белую и прозрачную, что сквозь кожу виднеются и её кости, и её мозг. Высшим мериллом красоты становится белизна, подчеркивающая избранность девушки, её высшее происхождение, позволяющее ей сохранить всю природную стать.

Мотив-ситуация включается в повествование для развития сюжета, для его динамики. Возникает конфликтная ситуация, которая должна каким-либо способом разрешиться.

Мотив-ситуация раскрывается в мотиве-речи Кыыс Дэбилийэ: «Под грешно-заклятым западным небом, / под нижним его слоем, / на земле, половину вселенной занявшей, / Западный Сибиир называемой, / девка-абаасы, снизу поднявшись, / скрытно поселилась-обосновалась, / детей трёх миров похитив, вскормила, / мышцам их рук укрепиться дала, / мышцам их спин созреть дала, / и те к Чугдаан Бухатыыру, / на девять веков-поколений / пышный *ысыах* прославившему, нагрязнули, / очень сильно его обидев, / слишком явно его утеснив; / поэтому когда человек племени айыы стал умолять, / человек солнечного племени стал просить, / я решила поехать, чтобы чёрную душу его защитить, / белую душу его спасти...» [10, с. 197].

Как видим, не всегда удаётся формализовать сюжетное развитие в чётко очерченные рамки одного вида мотива, поэтому многие из них заключают в себе две, а то и больше функций. В данном случае, одно и то же высказывание является одновременно и речью персонажа, и мотивом, определяющим ситуацию.

Мотив-речь позволяет не только развивать сюжетную линию повествования, но также дает дополнительные характеристики своим героям.

Родители Сараханы Кююкэнник – отец Арсан Дуолай и мать Ингнэли Балай, обращаясь к ней на её просьбу отправить в Средний мир: «О чудовище! / Эчикийэ, верчений-кручений твоих, ликований-восторгов твоих / не слишком ли много? / В Средний мир придя, / вдоль и поперёк бродя, пакостя, / воровством-разбоем занимаясь, / великую вину свою увеличишь!» [10, с. 86-87].

Соблюдение строгого деления на три мира распространяется на всех, проживающих в них. Поэтому решение Сараханы Кююкэнник переселиться в Средний мир вызывает возмущение и порицание у её родителей, понимающих, что она принесёт в него хаос и разорение. Установление порядка и гармонии должно неукоснительно соблюдаться представителем каждого из миров. Этот порядок и гармонию нарушает *абаасы* Сарахана Кююкэнник, что приводит к

сражению, в которое вовлекаются все три мира, но решающая роль отводится главной героине Кыыс Дэбилийэ, которая в своём мотиве-речи вновь напоминает о делении мира: «Со стороны Среднего мира / пусть к вам беда не пристанет! / Со стороны Верхнего мира / пусть холодный сквозняк вас не продует! / Со стороны Нижнего мира / пусть злой ветер на вас не повеет!» [10, с. 269].

Эпизод с участием Кыыс Дэбилийэ, в котором она обращается к создателям мира с мольбой о помощи в предстоящем бою с *абаасы*, соединяет в себе четыре мотива – описания, характеристики, речи и действия: «Кыыс Дэбилийэ, / от гнева побагровев, / тяжелыми каблуками / семидесятипудовых / железных сапог-горбасов / гулко стуча, взад-вперёд прошлась, / на середину гибельной скалы поднялась, / на одно колено опустилась, / другое колено преклонила, / веские слова произнесла, / убедительные слова подбирать стала, / почтительные слова вымолвила, / вот такие: “Бууйака! Бууйака! / Этой гибельной скалы, / грозной Кырпайки, дух-хозяин, / старик Таас Энгсилгэн, / тойон дедушка мой! ...”» [10, с. 211].

Представленные мотивы в конечном итоге ведут к главному мотиву, который позволяет подвести повествование к кульминации, а именно, к мотиву-действию.

Мотив-действие. Выкорымыши *абаасы* в бою: «[Оружие] с длинным лезвием решительно вынув, / с колющим острием мгновенно выхватив, / с грозным лезвием быстро вытянув, / с отточенным лезвием вмиг вытащив, / три дня и три ночи, / будто могучие быки в вожделинии, / настороженно кругами ходили, / друг на друга свирепо косясь...» [10, с. 217].

«Все девять дней / без устали, себя не помня, / за цепкие поводья друг друга дергая, / за крепкие удила друг друга хватая, / по темени друг друга гвоздили, / по вискам друг друга дубасили, / на кровь свою [люющуюся] глядя, еще неистовее, / на красное [месиво] глядя, еще свирепее [бились], / ударам конца не ведая, / взмахам рук не ведая счета; / [такое побоище]... / учинили они сражение» [10, с. 218-219].

Описанные выше мотивы дают возможность представить общую структурную сюжетную линию олонхо, а также выявить особенности главной героини. В нём Кыыс Дэбилийэ представлена как родоначальница небесного, высшего происхождения, а значит наиболее архаичным образом в пантеоне дев-воительниц. Сражения, в которых она принимает участие, направлены на спасение Среднего мира, людей, его обитающих, и против эпических чудовищ *абаасы*.

Особым образом обыгрывается в олонхо отношение Кыыс Дэбилийэ к замужеству. Как известно, девы-воительницы не могут стать женами, т. к. в браке их магическая сила утрачивается. Кыыс Дэбилийэ проявляет чувства к Чугдаан Бухатыыру, она с трудом отрывается от земли, чтобы вернуться к себе в Верхний мир. В этой внутренней борьбе встречаются две противоположные силы. Одна должна быть направлена на устройство Среднего мира, а для этого Кыыс Дэбилийэ находит идеального жениха в лице Чугдаан Бухатыыра. Другая – говорит ей о том, что в связи с замужеством она утрачивает свою силу богатырки. По-видимому, такая сложность в выборе predetermined переходным периодом от матриархата к патриархату и тем, что её миссия в качестве богатырки выполнена, и она может направить свои усилия на созидательную мирную деятельность.

Множественность образа девы-воительницы Сайкал в эпическом наследии кыргызов

Образ богатырши Сайкал представлен в ряде вариантов эпоса «Манас» [13, 14], в эпосе «Джолой», являющемся составной частью эпоса «Манас», записанного В. В. Радловым [15], имя сказителя которого не было зафиксировано, а также представлено в так называемом малом эпосе «Кыз Сайкал» [16]. Такое широкое распространение этого образа в эпических сказаниях кыргызского народа позволяет нам утверждать о популярности и устойчивости этого образа, что привело к множественности его бытования в эпических произведениях кыргызского народа.

Образ Сайкал органично вливается в мировую галерею дев-воительниц. Она демонстрирует образ храброй воительницы, стоящей на страже безопасности своего народа, при этом выполняя эту миссию ничуть не хуже мужчин, а зачастую оказываясь и сильнее их, как это оказалось в личном единоборстве Сайкал с Манасом. Народная мудрость, создавшая бессмертный эпос «Манас», не побоялась отдать преимущество деве-богатырше в этом поединке, опираясь на какие-то только ей известные побудительные причины. Такой неожиданный

ход решения исхода поединка нисколько не умаляет мужественности и избранности Манаса, но подчеркивает важную роль женщины-воительницы в древнем обществе и почетное место, которое ей в нём отводилось.

Рис. 2. Кыз Сайкал (худ. Т. Т. Герцен, 1972-1980 гг.).

Включение богатырки Сайкал в разные варианты эпоса «Манас» показывает стадияльное развитие этого образа, которое прослеживается от одного варианта к другому.

Мотив-описание. Перевод¹: «Мясо (тело), вытянутое как тростинка, / Одетая в мужскую одежду, / С белоснежными зубами, с точеными бровями, / Выразительное лицо..., голова правильной формы, / [С точными границами] белого-красного, / Глаза [прозрачные] как стекло, / Лицо, [словно] освещенное лучом, / Кожа блее..., / Шея как у петуха, руки как..., / Будь красивой, дочь своего отца! / Имеющая свою миссию [отличную от народа], / Выпитый красный кымыз, / Виднеющийся сквозь горло» [13, с. 93].

В данном случае мотив-описание вбирает, как это часто случается, и мотив-характеристику. Эпический певец описывает правильные, строгие черты Сайкал, подчеркивая её избранность, он говорит об освещенности её лица лучом. Певец подчеркивает особую роль, которая выпала на долю Сайкал. В этом описании находим интересную деталь, мало характерную для кыргызских эпосов, но которая связывает Сайкал с героинями олонхо «Кыыс Дэбилийэ». Эпический певец в одной строке даёт описание прозрачности тела героини, а именно горла, сквозь которое можно увидеть *кымыз*, который пьет Сайкал. Хорошо известно, что прозрачность тела характерна героиням якутских олонхо, как одна из устоявшихся их характеристик, дающая нам

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. И.

представление об их чистоте, благородном происхождении и красоте. Таким образом, древний мотив описания красоты героини сохранился в традиционном сказе Сагымбая Орозбакова. Традиционность сказительства оказалась настолько устойчивой, что сохранила древнейший архаический мотив, донеся его до XX столетия.

В следующем мотиве-описании приводится портрет Сайкал, записанный В. В. Радловым: «Сайкал вскочила на серого иноходца, / Волосы её охватом в сорок мер длины, / Волосы в сорок мер длины / Завязала книзу в узел, / Волосы, разделённые надвое, / Пустила по двум сторонам, / Концы связанных волос / Заткнула за пояс на поясице, / Закончив с волосами, ударила сильным ударом [коня]» [15, с. 394].

Сайкал в варианте, записанном В. В. Радловым, имеет собственную дружину из сорока богатырок, что характерно для тюркских эпосов («Кырк кыз» – «Сорок девушек», Каракалпакский эпос): «Сорок девушек вскочили на коней, / Двинулись на гулянку...» [15, с. 394].

Наличие дружины у героев эпоса характерно для эпосов более позднего времени, когда государственно оформленные войска были построены по принципу военной демократии. Такой дружиной, как известно, располагал Манас. Его жена Каныкей, по варианту Саякбая Каралаева, до замужества была девой-воительницей и также имела подобную дружину, которая в других вариантах эпоса была трансформирована в её подруг.

Мотив-характеристика: «Взгромоздившаяся на рыже-пегого скакуна, / Одетая в желтые кожаные штаны, / Взвзвывая пику с бунчуком, / Рядом с которой – меч, / Не черная, но белая, / ... Если выходит на сражение, то отдаёт свою жизнь, / Если выходит на перестрелку, то отдаёт свою кровь, / А будучи живой – свой скот...» [14, с. 404].

Мотив-ситуация. Данный эпизод сочетает в себе два мотива – мотив-ситуацию и мотив-речь. В нём описывается ситуация, при которой соратник Манаса Бакай призывает дружинников выйти на единоборство с Сайкал. Манас, видя, что никто не решается выйти и что не миновать позора, решается сам сразиться с девой-воительницей: «Что это за поступок – убежать от сражения с женщиной, / Будь ты бесплоден! / Сколько ни вызывали [на поединок], никто не откликнулся, / Все испугались и попрятались, / Ни единая душа не вышла против Сайкал, / ... Заставили меня выйти на поединок с женщиной / Уронили достоинство. / Сколько бы вас богатыров ни было, / Всем вам имя – женщина, / Приведите мне коня Аксаргыла, / Как бы ни было сложно, / Одолею я [её]» [13, с. 99].

Мотив-ситуация, который побуждает Сайкал выйти на битву против калмаков вместе с Джолоем, которые выступают против его народа: «Золотой стяг с полумесяцем явился, / Войска в шестикратном размере пришли, / Народ Джолоя пленили, / Три дня [беспрерывно] стреляли...» [15, с. 409].

Сайкал в варианте, записанном В. В. Радловым, демонстрирует свои воинские навыки в боях против захватчиков. А в эпосе «Манас» – в вариантах и Сагымбая Орозбакова, и Саякбая Каралаева – проявляет свою доблесть только в единоборствах с Манасом. В «Джолое» Сайкал выступает в полной мере в амплу защитницы рода.

Мотив-речь. Манас хочет женить на себе Сайкал. Она отказывается: «... В этом мире не выйду замуж. / Когда придёт время тебе умирать за 40 дней приеду / Сама приеду, господин...» [14, с. 406-407].

Мотив с замужеством Сайкал преподносится по-разному в разных вариантах «Манаса». В варианте, записанном В. В. Радловым, Сайкал выходит замуж за Джолоя и становится защитницей его рода, во многих случаях, и самого героя. При этом, она продолжает сохранять все свои качества воительницы. В варианте Сагымбая Орозбакова о замужестве Сайкал ничего не говорится, а основное внимание уделяется её поединку с Манасом. Саякбай Каралаев в своём варианте описывает ситуацию, в которой Сайкал на предложение выйти замуж за Манаса, соглашается стать его женой только после его смерти и переходе в иной мир.

Мотив-действие описывает выход Сайкал на единоборство против Манаса: «Неисправимая Сайкал, / Нацеливаясь пикой и сотрясая пикой, / На леопарда Манаса / ... Поправив в руке пику, / В льве Манасе / Стала искать слабое место /... Пика попала в грудь [Манасу], / Из глаз [у него] посыпались искры. / Стали они наносить удары друг другу, / Вдавливаясь [в крупы] своих коней» [13, с. 101].

В следующем эпизоде дружинник Манаса Чубак, видя, что Сайкал практически одолела Манаса в схватке, останавливает бой, ударяя по коню Сайкал, что фактически оказывается признанием поражения: «Подняв коня на дыбы, / Наклонила [Манаса] с коня, / С седла накренила [зад], / Султану Манасу / Пикой нанесла удар, / Пику, воткнутую Кыз Сайкал, / Манас не может вытащить, / [Пика] осталась в лопатке, / Опрокинуть с коня Кыз Сайкал / Задумала [Манаса]. / Не дал осуществиться этому / Чубак, сын Акбалты, / Вылетев как пуля, / Оказался между ними / Со словами: “Это не выбивание из седла, а состязание на пиках”. / Рыжего скакуна Сайкал / Ударил по голове, / Сарыбуруул Сайкал / В страхе шархнул в сторону» [13, с. 102-103].

Это кульминационная часть эпизода, описывающего схватку Сайкал с Манасом, в которой батыр оказывается фактически поверженным непобедимой богатыркой. Сила Сайкал настолько велика, что её не смог одолеть сам Манас. Древние архаические представления о могуществе женщины оказались настолько устойчивыми, что преимущество в единоборстве отдаётся Сайкал, при этом сказители не боятся уронить достоинство Манаса. Они сохраняют и передают древний мотив о непобедимости девы-воительницы, который относится к эре матриархата.

В сражении с калмаками (в варианте, записанном В. В. Радловым) Сайкал проявляет себя в качестве настоящего воина, зачастую оказываясь более ловкой, удачливой и несокрушимой, чем Джолой. Вот как изображается она в бою: «... вышел [на бой] один воин, / Увидев его, Сайкал / Погнала коня по направлению к нему, / Подъехав к нему, / Чокмором [нанесла удар] / По этому воину, / При его падении с коня / Пику из его рук / Выхватила Ак Сайкал, / Бесчисленное множество вражьих войск / Истребляла Сайкал, / Пронзительный крик не утихает...» [15, с. 411-412].

В эпосе «Джолой», записанном В. В. Радловым, приводится эпизод преследования Сайкал её заклятого врага Карача, который хитростью и обманом ввел в заблуждение Джолоя и покори́л его народ. «Джолой» представляет более архаичный пласт эпоса, в котором героические проявления героев сочетаются с мифологическими, сказочными деяниями. Особую роль в нём занимают кони героев, которые обладают магической силой и знаниями, умеют разговаривать, летать, являются верными соратниками и советчиками своих батыров. Конь Джолоя Ач-Будан в эпосе играет важную роль – он имеет крылья, умеет разговаривать, и на протяжении повествования не раз выручает своего хозяина.

Конь Сайкал – Тору Айгыр также обладает магическими силами, которые он применяет в сложной для его героини ситуациях. Сайкал на протяжении всего эпоса проявляет себя в качестве не только богатырши, но и терпеливой, верной, преданной жены. Джолой, в силу своей природной лени и глупости, постоянно оказывается в сложных ситуациях, из которых его вызывает Сайкал, а также два коня – Ачбуудан и Тору Айгыр. Так, в сцене преследования Карача превращается в разных животных, чтобы уйти от погони – в черного голубя, в архара, в лиса, в чебака. В погоне за Карача верный скакун Сайкал – Тору Айгыр также принимает разные облики, чтобы догнать очередное воплощение Карача. Он поочередно становится то соколом-сапсаном (чтобы догнать Карача в образе голубя), то *тайганом* (в погоне за архаром), то *кара барчымом* (догоняя Карача, превратившегося в лиса), то, наконец, выдрой, чтобы поймать Карача – чебака. Перед слушателями прослеживается великолепная сцена последовательных преобразований, описанная поэтическим языком и создающая яркий образ древних архаических представлений. Кроме того, эта сцена как нельзя ярче демонстрирует архаическую структуру, которую удалось зафиксировать В. В. Радлову.

В ходе проведения анализа образа богатырки Сайкал выявляется инвариантная общность этого образа, представленная в вышеназванных вариантах эпоса «Манас». Также определяется степень импровизации, которая достигла своего максимального уровня в варианте Саякбая Каралаева, где добавляется ситуация с замужеством Сайкал в другом, высшем мире. При этом мы наблюдаем стадиальную изменчивость образа богатырки от архаической девы, у которой есть волшебный помощник в виде коня, т. е. от уровня богатырской сказки перешедшей на уровень архаического эпоса (в варианте, записанном В. В. Радловым), до девы-воительницы в героическом эпосе (в вариантах Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева).

Говоря о богатырках эпоса «Манас», рассмотрим также образ калмыцкой ханши Оронгу, которая является одним из врагов Манаса. Данный образ выбран по той причине, что Оронгу является реликтом древнего образа женщин-чудовищ. Н. Х. Бекмухамедова отмечает в своём исследовании: «Отрицательность Оронгу была заложена в самых архаических истоках этого образа, в её прототипах-прообразах, которые мы связываем... с образами злых женских божеств, по понятиям древних людей, приносящих всевозможные беды человеку... Такие женские божества именуют место в мифологии тюркских народов – они населяют Нижний, подземный мир; в якутских олонхо их именуют “абаасы”; Жез Кемпир (букв. “Медная старуха”) – в кыргызских мифах и сказках...» [17, с. 48-49].

Приведем в подтверждение мотив-описание, характеризующий Оронгу: «Подошвы её ног шириной с лопату, / Если посмотреть на её две груди, / То выглядят они как / Свисающие сердца, размером с гору. / Как перевернутый [большой] котел, / Её голова, / Шестидесяти-пятидесяти / Лет она. / Оронгу ходит неуклюже, / Если посмотреть на её затылок, / То там [увидишь] высывающихся семьдесят мышей...» [18, с. 150-151].

Усиление отталкивающего образа Оронгу происходит за счет её участия в древнем архаичном состязании «Развязывание верблюда», которое описано в эпизоде «Поминки по Кокетею». В этом состязании порядочные женщины не могут участвовать из-за унижительного положения, в которое они попадают: женщина, обнажившись, с завязанными руками, при помощи зубов должна развязать спутанные ноги верблюда. Оронгу – единственная из женщин, которая выходит на это состязание, вызвав тем самым всеобщую насмешку и негодование.

Так, образы Оронгу и Сараханы Кююкэнньик находятся в прямом взаимодействии, основанном на общем происхождении существ Нижнего мира.

Общее и своеобразие в типологии кыргызского и якутского эпосов

Выявленный мотивный фонд двух эпосов позволил представить образы дев-воительниц в эпосах, оказавшихся на разных стадиях своего развития, сделав возможным сравнительный анализ. Анализ показал, что образ девы-воительницы в мировом эпосе имеет общие основы. В характеристике Сайкал кыргызского эпоса «Манас» очень много общего с девой-воительницей из якутского олонхо «Кыыс Дэбилийэ». Мотивы-описания, мотивы-характеристики, мотивы-речь, мотивы-действия показали, что Кыыс Дэбилийэ и Сайкал являются представителями одного ряда дев-воительниц.

При этом мотивный фонд показал и различия образов богатырок, которые кроются в природе эпосов, героинями которых они являются. Главное отличие заключается в принадлежности эпосов разным стадиям развития эпического жанра. Так, олонхо «Кыыс Дэбилийэ» относится к архаическим эпосам, в которых первотворение мира является одной из основополагающих тем так же, как и деление его на три составных части. Эпос «Кыыс Дэбилийэ», являясь архаическим эпосом и, следовательно, очень древним по своему происхождению, отразил в себе события мифологического прошлого, в котором нашли своё место не только мир людей (Срединный), но и Верхний мир, а также мир Нижний. Деве-воительнице Кыыс Дэбилийэ приходится вести борьбу не с врагами этого земного мира, а с чудовищами – *абаасами* Нижнего мира.

Кыргызский эпос «Манас», включивший в себя сказание о деве-воительнице Сайкал, является эпосом нового стадияльного уровня, относясь к героическим эпосам, в которых вопрос об объединении народа в единую сплоченную нацию становится главной сюжетобразующей темой. Все остальные темы, так или иначе, привязаны к главной теме.

Тем не менее, традиционность передачи и исполнения эпосов позволили сохранить и донести до наших дней древние архаические пласты, которые в первую очередь связаны именно с образом девы-воительницы как наиболее древнего персонажа эпохи матриархата.

Дошедшее до наших дней отдельное сказание о Сайкал («Кыз Сайкал»), сказание «Джолой», записанное В. В. Радловым, наводят на вывод о том, что сказание о деве-воительнице Сайкал бытовало самостоятельно. Впоследствии, оно было вовлечено в орбиту эпоса «Манас», став его составной частью, а Сайкал – персонажем эпоса.

Образ Оронгу также выводит эпос «Манас» на прямые параллели с олонхо «Кыыс Дэбилийэ», а именно на его героиню Сарахана Кююкэнньик. В данном случае обе героини имеют одну и ту же природу происхождения. В отношении этих героинь нужно отметить, что

фольклор, эпическая поэзия не мыслят категориями положительных и отрицательных героев, а их персонажи выполняют свои собственные функции. Олонхо «Кыыс Дэбилийэ» отчетливо представляет именно такую картину мира, где каждый из представителей трёх миров занимает своё место в общей системе и соответствует этическим нормам своей части мира. Такой баланс сохраняется до тех пор, пока персонажи не начинают переступать установленные границы. Сарахана Кююкэнник нарушает правила устройства этого мира и поэтому находит осуждение у создателей этого эпоса. Её внешний вид соответствует существам Нижнего мира и сам по себе не создаёт отталкивающего эффекта ровно до того момента, когда Сарахана Кююкэнник решает отправиться в Средний мир и устроить там свой миропорядок. Теперь её внешний вид представляется отвратительным людям Среднего мира, потому что не соответствует ему, противоречит его этическим представлениям.

Оронгу – из того же ряда существ Нижнего мира, но в связи с тем, что в эпосе «Манас» описание деления на три мира оказывается во многом утраченным, то её происхождение оказывается затемнённым для слушателя, поэтому так комично и неподобающе выглядит она на фоне других героев. Эпос «Манас» несёт уже другую функциональную нагрузку, став эпосом общенациональным и общегосударственным, направленным на единение нации и её защиту. Для него вопросы первотворения мира перестают быть основополагающими и насущными. Но традиционность сказа оказывается настолько устойчивой, что включает в сюжет эпоса архаические образы и мотивы, которые в новом формате оказываются в какой-то степени непонятными самим сказителям. Отсюда сложность восприятия некоторых образов, а также трактовка образа девы-воительницы, которую нельзя понять, не осознав стадиального развития эпоса.

Вопрос о неприкосновенности дев-воительниц от мира мужчин на их честь так же оказывается общим. Известный постулат о том, что амазонки должны хранить свою невинность, чтобы сохранить свою магическую силу, в этих эпосах подвергается трансформации. Кыыс Дэбилийэ проявляет симпатию к Чугдаан Бухатыыру и готова на союз с ним; Сайкал в «Джолое» становится женой Джолоя, при этом не только не утрачивает свои силы, но и становится на защиту своего мужа и его народа; Сайкал из эпоса «Манас» обещает стать женой Манасу в Верхнем мире, после окончания земного пути. Образ Сайкал, не желающей выходить замуж за Манаса, полностью укладывается в мировой сюжетный ход о девах-воительницах. Она соглашается стать его женой тогда, когда её предназначение в этом мире в качестве девы-воительницы, богатырки будет выполнено. Как видим, образ Сайкал несёт в себе древние архетипичные черты девы-воительницы и трактовка её персонажа в эпосе «Манас» абсолютно укладывается в мировой сюжет об этих героинях.

Тем не менее, все эти вариации будущего устройства показывают неоднозначность их супружеского выбора, что опять подводит нас к выводу о том, что девы-богатырки продолжают оставаться собою, сохраняя свой статус девы. Подтверждением этого является то, что мужчины в этих сказаниях занимают второстепенную роль по отношению к главной героине.

Заключение

Общим выводом работы является положение, согласно которому между образами дев-воительниц якутского и кыргызского эпосов, несомненно, имеется общность, которая выражается в сюжетном развитии, в портретных и психологических характеристиках героинь, в эпитетах, которые они получают, в уважительном и почтительном отношении народа к ним. Несмотря на разницу во времени происхождения эпосов, они демонстрируют общую типологическую общность, которая определяется общностью и родством народов, сотворивших эти эпические сказания.

Образ богатырки наиболее ярок «на всем ареале обитания монголоязычных и тюркоязычных народов» [19, с. 192], и именно здесь можно проследить стадиальную изменчивость этого образа. Те условия, благодаря которым сформировались образы дев-воительниц, способствовали их закреплению и дальнейшему развитию на всех этапах эволюции героического эпоса тюрко-монгольских народов. Сказители неуклонно следовали традициям, касающимся трактовки и характеристик женских образов богатырш. Стадиальная изменчивость ярко проявилась в отношении образа Сайкал, представленной в трёх разных эпических сказаниях, а также образов Сайкал и Кыыс Дэбилийэ, как героинь, представляющих эпосы,

находящиеся на разных этапах стадийного развития. Таким образом, в статье отобранный мотивный фонд наглядно показал, что девы-воительницы представляют собой разное происхождение: Кыыс Дэбилийэ имеет небесное происхождение и является существом Верхнего мира, Сайкал является жительницей Среднего мира и имеет земное происхождение. Соответственно, образ девы-воительницы в кыргызском эпосе так же, как и в якутском, представляет разные типы дев-воительниц.

Важным выводом работы является то, что кыргызский эпос, несмотря на последующие трансформационные сдвиги, сохранил в образах дев-воительниц мировые мотивы. Созданные в эпоху матриархата эти героини показывают своё преимущество по сравнению с мужчинами. Кыргызские сказители, несмотря на все последующие изменения в бытовании эпоса, сумели сохранить идейную сущность дев-воительниц в их первоначальном виде. Такое стало возможным благодаря традиционности сказывания, которая неуклонно соблюдалась на протяжении веков и, благодаря которой, эпос дошел до наших дней.

В исследовании выявлены генетические связи между образами дев-воительниц Сайкал и Кыыс Дэбилийэ, которые были основаны на культурных взаимодействиях, влияниях или заимствованиях, что было обусловлено исторической близостью двух народов – кыргызского и якутского. Это, в свою очередь, приводит к выводу о том, что в данном случае мы не можем говорить о типологической общности эпосов и их героинь, которая предполагает возможность зарождения мотивов о героинях в сходных обстоятельствах и условиях.

Литература

1. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С. 12-63.
2. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. – 326 с.
3. Иванов В. Н. Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 158 с.
4. Кыдырбаева Р. З. Эпос «Манас»: Генезис. Поэтика. Сказительство. – Бишкек: Шам, 1996. – 408 с.
5. Готовцева Л. М., Николаева Т. Н. Одежда героев кыргызского эпоса «Манас» по отношению к якутскому эпосу «Нюргун Боотур Стремительный» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 11. – С. 56-60.
6. Сапалова Д. У. Якутско-кыргызские этнические параллели в традиционной культуре // Педагогическое образование и наука. – 2008, № 2. – С. 92-94.
7. Сапалова Д. У. Свадебная обрядность как источник изучения этнокультурных связей якутов и кыргызов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009, № 101. – С. 43-46.
8. Сапалова Д. У. Компонент кыргыз в якутской этнонимике (по фольклорным материалам) // Сборник научных трудов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. – С. 85-90.
9. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 166 с.
10. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
11. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1984. – С. 221-229.
12. Путилов Б. Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы. – СПб.: Наука, Санкт-Петербург. отд-е, 1992. – С. 74-86.
13. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу: 3-китеп / С. Орозбаковдун варианты б-ча академиялык басылыш. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 672 б. (на кыргызском яз.)
14. Семетей: Баатырдык эпос. «Манас» эпосунун экинчи бөлүгү: 1-китеп / Саякбай Каралаевдин варианты боюнча академиялык басылышы. – Бишкек: Турар, 2013. – 1432 б. (на кыргызском яз.)
15. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. Наречие дикокаменных киргизов. – СПб.: [б.и.], 1885. – 599 с.

16. Гүлгаакы. Кыз Сайкал. Поэмалар / А. Акматалиевдин жалпы ред. астында; Баш сөзүн жазган Г. Орозова; 25 т. – Бишкек: Шам, 2003. – 432 б. – (Эл адабияты). (на кыргызском яз.)
17. Бекмухамедова Н. Х. Эволюция женских образов эпоса «Манас». – Бишкек: Эркин Тоо, 1997. – 118 с.
18. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу. 8-жана 9-китеп: Сагымбай Орозбак уулунун айтуусу б-ча академиялык бас / Түзгөн жана даярдаган С. Мусаев. – Бишкек: Турар, 2014. – 800 б. (на кыргызском яз.)
19. Липец Р. С. Стадиальная изменчивость образа богатырки в тюрко-монгольском эпосе // V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 14-19 сентября 1987 г.): доклады советской делегации. Вып. 3. Археология, культура, этнография, филология. – М.: Изд-во ин-та этнографии и истории АН СССР, 1987. – С. 192-197.

References

1. Puhov I. V. *Geroicheskiy jepos tjurko-mongol'skih narodov Sibiri: Obshhnost', shodstva, razlichija* [Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia: Community, similarities, differences]. In: *Tipologija narodnogo jeposa* [Typology of the national epic]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 12-63.
2. Puhov I. V. *Geroicheskiy jepos altae-sajanskih narodov i jakutskie olonho* [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]. Yakutsk, SO RAN Jakutskij filial, 2004, 326 p.
3. Ivanov V. N. *Olonho – unikal'noe javlenie v mirovoj jepicheskoj kul'ture* [Olonkho is a unique phenomenon in the world epic culture]. Yakutsk, Izdatel'skij dom SVFU, 2014, 158 p.
4. Kydyrbaeva R. Z. *Epos "Manas": Genезis. Pojetika. Skazitel'stvo* [Epic "Manas": Genesis. Poetics. Storytelling]. Bishkek, Sham, 1996, 408 p.
5. Gotovceva L. M., Nikolaeva T. N. *Odezhdа geroev kyrgyzskogo jeposa "Manas" po otnosheniju k "Njurgun Bootur Stremitel'nyj"* [Clothes of the heroes of the Kyrgyz epic "Manas" in relation to "Nyurgun Bootur Swift"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. Tambov, 2016, No. 11, pp. 56-60.
6. Sapalova D. U. *Jakutsko-kyrgyzskie jetnicheskie paralleli v tradicionnoj kul'ture* [Yakut-Kyrgyz ethnic parallels in traditional culture]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science]. 2008, No. 2, pp. 92-94.
7. Sapalova D. U. *Svadebnaja obrjadnost' kak istochnik izuchenija jetnokul'turnyh svjazej jakutov i kyrgyzov* [Wedding rituals as a source for studying the ethnocultural relations of the Yakuts and Kyrgyz]. In: *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena* [Proceedings RSPU named after A. I. Herzen]. 2009, No. 101, pp. 43-46.
8. Sapalova D. U. *Komponent kyrgyz v jakutskoj jetnonimike (po fol'klornym materialam)* [Component of Kyrgyz in Yakut ethnonymy (based on folklore materials)]. In: *Sbornik nauchnyh trudov* [Collection of scientific articles]. Yakutsk, Izd-vo JaGU, 2005, pp. 85-90.
9. Danilova A. N. *Obraz zhenschiny-bogatyрки v jakutskom olonho* [Image of woman warrior in the Yakut olonkho]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 166 p.
10. *Jakutskij geroicheskiy jepos "Kyys Djebljije"* [Yakut heroic epic "Kyys Debiliye"]. Novosibirsk, VO "Nauka", Sibirskaja izdatel'skaja firma, 1993, 330 p. (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]).
11. Nekljudov S. Ju. *O nekotoryh aspektah issledovanija fol'klornyh motivov* [On some aspects of the study of folk motifs]. In: *Fol'klor i jetnografija: U jetnograficheskikh istokov fol'klornyh sjužetov i obrazov. Sbornik nauchnyh trudov* [Folklore and ethnography: The ethnographic sources of folklore scenes and images: Collection of scientific papers]. Leningrad, Nauka, 1984, pp. 221-229.
12. Putilov B. N. *Veselovskij i problemy fol'klornogo motiva* [Veselovsky and the problems of the folk motive]. In: *Nasledie Aleksandra Veselovskogo: Issledovanija i materialy* [The Legacy of Alexander Veselovsky: Research and Materials]. Saint Petersburg, Nauka, 1992, pp. 74-86.
13. *Manas: Kyrgyz jelinin baatyrдыk jeposu. 3-kitep: S. Orozbakovдun varianty b-cha akademijalyk basylysh* [Manas: Kyrgyz heroic epic. Vol. 3: Version of S. Orozbakov]. Bishkek, Kyrgyzstan, 1995, 672 p. (In Kyrgyz lang.)
14. *Semetej: Baatyrдыk jepos. "Manas" jeposunun jekinchі berljugu: 1-kitep. Sajakbaj Karalaevdin variantu bojunchа akademijaluk basulushu* [Semetej: The second part of epic "Manas". Vol. 1. Version of Sajakbaj Karalaev]. Bishkek, Turar, 2013, 1432 p. (In Kyrgyz lang.)

15. Radlov V. V. *Obrazcy narodnoj literatury severnyh tjurkskih plemen. Ch. 5. Narechie dikokamennyh kirgizov* [Samples of folk literature of the northern Turkic tribes. Part 5. Dialect of wild stone Kyrgyz]. Saint Petersburg, 1885, 599 p.

16. *Gjulgaaky. Kyz Sajkal. Pojemalar* [Gulgaaky. Kyz Sajkal. Poems]. A. Akmataliyevdin zhalpy red. astynda; Bash sjozjun zhazgan G. Orozova; 25 t. Bishkek, Sham, 2003, 432 p. (*Jel adabijaty* [Folk literature]). (In Kyrgyz lang.)

17. Bekmuhamedova N. H. *Jevoljucija zhenskih obrazov jeposa "Manas"* [The evolution of female images of the epic "Manas"]. Bishkek, Jerkin Too, 1997, 118 p.

18. *Manas: Kyrgyz jelinin baatyrdyk jeposu. 8-zhana 9-kitep: Sagymbaj Orozbek uulumun ajtuusu b-cha akademijalyk bas* [Manas: Kyrgyz heroic epic. Vol. 8. Version by Sagymbay Orozbek] / Tjuzgjon zhana dajardagan S. Musaev. Bishkek, Turar, 2014, 800 p. (In Kyrgyz lang.)

19. Lipec R. S. *Stadial'naja izmenchivost' obraza bogatyrki v tjurko-mongol'skom jepose* [Stadial variation of the image of the heroes in the Turkic-Mongolian epic]. In: *V Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov (g. Ulan-Bator, 1987 g.)* [5th International Congress of Mongolians (Ulan-Bator, 1987)]. Moscow, Izd-vo in-ta jetnografii i istorii AN SSSR, 1987, pp. 192-197.